

Когда его последние слова растворились в воздухе, вся пещера погрузилась в тишину.

Незримое, тревожно-странное давление разлилось вокруг. Под этим взглядом Цзянь Чжэнь растерянно моргнул.

Погодите...

Говоришь — так говори, почему ты смотришь на него?!

Он вообще-то всего лишь ни в чём не повинная травинка, случайный зритель, поедающий чужие драмы!!

Пока эта мысль вертелась у него в голове, стоявший рядом Мозун Дажэн, до того лениво наблюдавший за происходящим, холодно усмехнулся. Его голос — неглубокий, лёгкий, почти небрежный — упал в тишину и с лёгкостью разорвал сгустившуюся атмосферу. Мужчина смотрел на Линь Цаня сверху вниз, с таким презрением, словно перед ним был не человек, а мусор под ногами.

— Кто ты вообще такой, — сказал Мозун, — чтобы пользоваться формацией восстановления души?

Линь Цан застыл.

— Прятаться в этом месте, куда не проникает свет, и творить грязные делишки, — уголки губ Владыки изогнулись в насмешке. — И это ты называешь «усердными стараниями»?

Налитые кровью глаза Линь Цана широко раскрылись. Он смотрел на весь зал, заваленный обрушившимися янтарными камнями. Каждый такой камень был чьей-то жизнью — жизнью заклинателя. А алые верёвки, протянутые между ними, были не чем иным, как их свежей кровью.

Это море красного цвета.

И в этом алом мареве его сознание вдруг унеслось далеко-далеко в прошлое.

Тогда, давным-давно...

Юнь Нян тоже была одета в красное платье. Она стояла среди пунцовых цветов граната, мягко улыбалась и говорила ему:

«Линь, иди спокойно совершенствоваться, стань героем, что изгоняет демонов и хранит Путь. Я буду ждать твоего возвращения.»

То было дело тысячелетней давности — нет, десятков миллионов лет назад. И всё же, стоило лишь вспомнить, как память оказывалась пугающе ясной, будто это случилось вчера.

Да... когда-то его мечтой, тем, ради чего он старался и к чему стремился, было идти по стопам Линшань, стать заклинателем, изгоняющим демонов и охраняющим Путь. Тогда он был всего лишь безвестным учеником, одним из многих.

Слёзы скатились по щекам Линь Цана.

Коленопреклонённый мужчина беспомощно задрожал, его плечи ходили ходуном. Он бил кулаком по каменному полу и хрипло повторял:

— Как... как всё дошло до этого? Почему... почему именно так?..

Ему так хотелось, чтобы она увидела его. Увидела нынешнего — он вырос, он больше не тот нищий мальчишка.

Он стал учеником почтенного бессмертного.

Теперь он — владыка целой горы. Теперь он способен подарить ей счастье.

Стиснув зубы, Линь Цан выдохнул с ненавистью:

— Ещё чуть-чуть... всего один шаг...

Цзянь Чжэнь стоял рядом с Мозун Дажэном.

Тихий, спокойный юноша смотрел на человека, распростёртого на земле, и мягко, почти сочувственно сказал:

— Но если она пробудится... увидев всё это, будет ли она счастлива на самом деле?

Рука Линь Цана, занесённая для удара, замерла.

Глаза Цзянь Чжэня — тёмные, чистые, без тени фальши — смотрели прямо в душу.

— Это действительно то, чего она хотела?

Линь Цан резко вскинул голову. Его заляпанный грязью и кровью халат висел на нём, как шкура загнанного зверя.

— Ты жив! — сорвался он. — Да какое ты вообще имеешь право говорить такое?!

Цзянь Чжэнь остался стоять на месте. Даже будучи «обруганной травинкой», он держался открыто и прямо. Ни капли колебаний. Его голос был мягким — но в этой мягкости звучала непреклонность:

— Если моё существование означало бы смерть множества людей... я бы не выбрал жить.

Лица в пещере резко побледнели.

Даже Сянь Хуан, всегда холодный и невозмутимый, впервые сразу же повернул к нему голову. В его взгляде клубился густой, нерассеивающийся туман.

И лишь Линь Цан медленно рассмеялся.

Сначала это был тихий, хриплый смех, затем он стал всё громче, всё безумнее. Внезапно Линь Цан нажал на скрытый механизм в каменной плите — и вся пещера содрогнулась. Бесчисленные янтарные камни вспыхнули ослепительным светом, духовная энергия взметнулась, стены пошли трещинами.

— Плохо дело! — крикнул кто-то. — Здесь всё рушится!

Свод огромной каменной пещеры начал обваливаться, поднялись клубы пыли.

Будто вся грязь, вся гора трупов и море крови вместе с этим уходили вглубь земли.

Линь Цан, лежащий на полу, смотрел вслед удаляющейся фигуре Цзянь Чжэня. Слезы застилали ему глаза, размывая силуэт.

— Ты... совсем не изменился, — прошептал он. — Всё такой же...

Грохот.

В ночной тишине основание усадьбы Ло обрушилось, словно под землёй раскрылся гигантский провал.

Формация восстановления души была разрушена. Скопившаяся за годы ненависть погибших духов рванулась вверх, взмывая к небесам. Волны духовной энергии разошлись во все стороны.

Цзянь Чжэнь смотрел в сторону разрушенной формации. Для остальных это был всего лишь шум падающих зданий, но в его ушах звучали совсем иные звуки — бесчисленные рыдания, крики, стоны. Плач мёртвых, словно доносящийся из самой преисподней, их отчаянная борьба.

Эти голоса становились всё громче.

Люди, стоявшие снаружи, под открытым небом, бледнели всё сильнее.

Кто-то вцепился в одежду Мозун Дажэна. Мужчина опустил взгляд, нахмурился:

— Что случилось?

Цзянь Чжэнь поднял на него глаза, изо всех сил пытаясь заговорить:

— Я...

Он не успел закончить. Потоки звуков, хлынувшие со всех сторон, почти утопили его. Остаточная сила формации рассеялась — и стоявший на крыше юноша потерял сознание, падая вперёд.

На другой стороне крыши.

Сянь Хуан, изо всех сил подавлявший вырвавшихся из-под земли злобных духов, вдруг ощутил, как в воздухе разливается демоническая энергия. Обернувшись, он увидел: в объятиях Мозун Дажэна лежал человек.

С ним что-то случилось.

Даже бессмертный, перед лицом обвала тысячелетних снежных гор не меняющий выражения лица, теперь заметно изменился.

Почти в следующее мгновение Сянь Хуан уже стоял перед Мозун Дажэном.

— Куда ты собираешься его унести? — спросил он.

Мозун Дажэн стоял на краю крыши. Вечерний ветер вздымал его одежды. Он приподнял веки — алые глаза в ночи сверкали опасно, как свежая кровь.

— С дороги, — медленно произнёс он.

Белоснежные одежды Сянь Хуана светились в темноте, как нефрит.

— Ты хочешь забрать его в мир демонов?

— И что с того? — равнодушно ответил Мозун Дажэн.

Голос его был спокоен, но тот, кто знал его достаточно хорошо, ощущал скрытую под этим спокойствием убийственную угрозу.

— Ты не можешь его забрать, — твёрдо сказал Сянь Хуан.

Мозун Дажэн усмехнулся. За его спиной вспыхнуло пламя души — разъедающее, смертельно опасное. Оно сомкнулось вокруг Сянь Хуана, готовое вырваться наружу... как вдруг чья-то рука легко сжала ткань на его груди.

Цзянь Чжэнь, находящийся без сознания, беспокойно нахмурился. Влияние разрушенной формации причиняло ему боль.

Сянь Хуан тоже увидел это.

Мозун Дажэн поднял взгляд:

— Если у Бессмертного есть время, — холодно сказал он, — лучше бы тебе заняться тем бардаком, который оставил после себя твой ученик.

Слова были предельно нелюбезны.

И в то же время — пропитаны дерзкой, самодовольной манерой, присущей демоническому божеству.

— А если ты вздумаешь отнимать у меня человека... — губы Мозун Дажэна изогнулись в улыбке. — Горы демонического мира будут ждать твоего визита.

Его фигура в ночи была столь же безрассудной и самонадеянной, как тогда, двенадцать миллионов лет назад, когда он в одиночку ворвался на Линшань. Словно все эти тысячи и тысячи лет вовсе не оставили на нём следа.

Сянь Хуан стоял перед ним, не отступая ни на шаг.

Ауры двух верховных владык столкнулись, заставляя дрожать небо и землю. Чудовищное давление накрыло всё вокруг — казалось, усадьбу Ло вот-вот сравняет с землёй.

Лишь когда из ямы с духами под домом вновь поднялась волна злобной энергии, выражение лица Сянь Хуана изменилось.

Развернувшись, он сказал:

— Я заберу его обратно.

Взгляд Мозун Дажэна был холоден, как лёд. Он слегка приподнял уголки губ:

— Тогда попробуй.

Густой лунный свет пролился на мир бледным, скорбным инеем, будто заранее предвещая необычность этой ночи. Вновь явившаяся миру формация восстановления души потрясла все Три мира, а в пределах Ваньцзе-шаня, в землях демонов...

Кое-кто спал беспокойно.

Во сне обрывочные картины текли, словно вода: бесчисленные фигуры мелькали туда и обратно, но тут же пожирались пламенем, рассыпаясь в прах. Цзянь Чжэню казалось, будто он тонет в море огня — больно, мучительно. Куда ни посмотри, ни направления, ни света. Незнакомая ловушка наполняла его беспомощностью и страхом.

Пока он не услышал знакомый голос.

— Чжучжу.

Низкий зов раздался — будто с края небес, будто совсем рядом.

В темноте Цзянь Чжэнь инстинктивно бросился на звук, но нога сорвалась, и он рухнул прямо в пламя. В ужасе он попытался вырваться — и распахнул глаза.

Над ним был потолок главного дворца демонического мира, а за окном — тёплый, мягкий солнечный свет.

Словно в одно мгновение он вырвался из ада и вернулся в мир живых.

Цзянь Чжэнь растерянно моргнул, приходя в себя, и тут рядом раздался ленивый голос:

— Очнулся?

Едва проснувшаяся травинка повернула голову.

У мягкого ложа сидел мужчина в чёрных одеждах. В руках у него была книга, которую он перелистывал без особого усердия. Чёрные волосы Мозун Дажэна свободно спадали на плечи, а на красивом лице лежала тень, словно от отблеска закатного солнца.

Цзянь Чжэнь медленно сел, потер глаза и честно сказал:

— Мне приснился кошмар.

— Это заметно, — отозвался Мозун Дажэн.

— А?.. — растерянно протянул Цзянь Чжэнь.

Мозун Дажэн указал на свою одежду:

— Пока ты спал, ты мёртвой хваткой вцепился в подол моего одеяния. Как ни пытались отнять — не отпустил. И всё время плакал, звал.

Цзянь Чжэнь: «.....»

Травинка в шоке.

Травинка опускает взгляд.

Увидев, как чёрная ткань у ложа измята и сжата пальцами, травинка замолчала.

Цзянь Чжэнь поспешно попытался найти себе оправдание и тихо спросил:

— Я... всё время так?

— Угу, — равнодушно подтвердил Мозун Дажэн.

— Тогда... — он неловко продолжил, — я ведь не слишком долго так делал... прошлой ночью?

— Не только прошлой, — взгляд Мозун Дажэна опустился на лежащего перед ним юношу. — Ты спал три дня.

Цзянь Чжэнь: ???!!

Травинка застыла на месте, будто вовсе забыла, как думать.

— Почему я так долго спал?.. — ошеломлённо спросил он.

— Формация восстановления души полностью рассеялась. Твоя культивация слишком низка — ты просто не выдержал её воздействия, — спокойно ответил Мозун Дажэн.

Звучало... вполне логично.

В конце концов, он всего лишь травинка, недавно принявшая человеческий облик.

Цзянь Чжэнь не стал углубляться в размышления и спросил:

— А что с бессмертным почтенным? С остальными?

— Линь Цан сам уничтожил формацию, — безразлично сказал Мозун Дажэн. — Тысячи подавленных ею обиженных душ вырвались на свободу. Сянь Хуан — его наставник, так что, разумеется, остался разбираться с последствиями.

Цзянь Чжэнь кивнул, а потом вдруг вспомнил:

— А Юй? Моё ученическое испытание?

Мозун Дажэн холодно усмехнулся:

— Ваше «ученическое испытание» раскопало запретные техники, которые уже давно запрещены во всех Трёх мирах. Сейчас весь императорский двор демонов стоит на ушах. Ты правда думаешь, кому-то есть до тебя дело?

Цзянь Чжэнь: «...Ну да».

По сравнению с этим его испытание и правда казалось сущей мелочью.

Пока он размышлял, у дверей раздался почтительный голос:

— Почтенный владыка, смею ли я войти?

Только теперь Цзянь Чжэнь понял, что снаружи кто-то есть. За ширмой фигура была неразличима, но когда вошёл седовласый старец, он сразу узнал его — того самого, кого раньше часто видел, ещё будучи травинкой в горшке.

Верховный жрец демонов.

Мозун Дажэн, сидя, коротко приказал:

— Осмотри его.

Верховный жрец поклонился:

— Слушаюсь.

Он подошёл ближе. Его взгляд, устремлённый на Цзянь Чжэня, был странно сложным — словно в нём таились тысячи слов, которые так и не будут произнесены.

Травинка: ???

Что это значит?..

Великий жрец почтительно склонился:

— Приветствую владыку. Я — Ча Яньли, верховный жрец демонического мира. Позвольте проверить ваш пульс.

От столь церемонного обращения Цзянь Чжэню стало немного неловко, но он всё же кивнул:

— Прошу.

Старец встал рядом и положил пальцы ему на запястье. Его старческие брови сперва нахмурились, затем в глазах мелькнуло удивление, а вскоре лицо озарилось неподдельной радостью. Голос его задрожал:

— Радостный пульс... это и правда радостный пульс!

Цзянь Чжэнь даже не успел его поддержать.

Он помнил, что прежде этот жрец всегда был предельно сдержан, говорил лишь о будущем демонического рода.

А теперь тот опустился на колени и воскликнул:

— Поздравляю, владыка! У нашего демонического рода есть будущее наследие!!

Мозун Дажэн, держа книгу, опустил взгляд на старца и спокойно спросил:

— А его тело... в порядке?